

В. М. НИКИТЕВИЧ

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СУБСТАНТИВА

Сравнительное изучение языков помогает выявить как различия, специфические черты каждого из сравниваемых языков, так и общие типологические черты. Специфические элементы могут служить для практического приложения (составление описательных сравнительных грамматик, алгоритмов); выявление же универсальных признаков необходимо, прежде всего, для лингвистической теории, так как помогает «познать» язык вообще, найти движущие пружины, которые определяют структуру и эволюцию конкретного языка. Так сравнительное изучение языков находит свое продолжение в типологическом их изучении¹.

Конкретные результаты типологического исследования особенно оптимистичны при рассмотрении частных языковых систем. Любая частная система конкретного языка может получить более адекватное и объективное описание только в том случае, если она сравнивается с соответствующими фактами по крайней мере группы родственных ему языков. Это помогает освободиться от несущественных и часто осложняющих описание деталей и более точно выделить существенное.

Субstantив может рассматриваться как определенная и важная часть словаря в лексикологическом аспекте. Но лингвистически существенной и актуальной здесь оказывается работа над типологией семантической системы и особенно, на наш взгляд, строения субstantива. Весьма плодотворным для типологии в области лексической семантики является направление, принятое Н. И. Толстым². Оно представляется наиболее оправданным и в исследовании деривационных систем.

Выявление универсальной системы типов деривационной семантики³ — в целом задача более простая, чем составление «модели-сетки» лексической семантики. Система означаемых деривационного содержания некоего класса в результате присущей ему абстракции позволяет относительно проще и точнее очертить его границы. Фактор открытости и зависимости от внеязыковой ситуации здесь почти отсутствует, так как деривационные значения обладают модельностью средств их выражения.

Безусловно, сама сфера деривационной семантики, ее объем и уровень абстракции не всегда определены и не всегда легко определимы, так как полностью зависят от системы выражающих и дифференцирующих ее средств в каждом конкретном языке.

¹ См. о задачах типологии: Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 10 и сл.

² Н. И. Толстой, Из опытов типологического исследования славянского словарного состава, ВЯ, 1963, 1.

³ В сферу деривационной семантики входят значения, классифицирующие вещественное содержание корня; тем самым они занимают «промежуточное положение между лексическим значением отдельного слова и грамматическим значением...» («Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966, стр. 51).

Обобщение и классификация мира реальных и восприятие действительности вообще, соответственно отраженные в языке, могут быть весьма специфичными. Однако связанные с этим трудности типологического исследования реальных лишь постольку, поскольку исследователь пытается охватить все существующие языки. Для изучения групп близкородственных и близкоструктурных языков эти трудности снимаются. «Модель-сетка» означаемых деривационных подклассов в этих условиях всегда приближается к идеальной модели-эталону, и с указанным ограничением она может быть получена значительно легче, чем «модель-сетка» для описания лексической системы языка (эту работу выполнить настолько легче, насколько легче перечислить деривационные морфемы по сравнению со словами данного конкретного языка).

Для типологии важно не установление факта продуктивности (непродуктивности) материально тождественных или родственных морфем, как это обычно делается, а установление эквивалентных отношений между общими и разными морфемами⁴ и, что особенно важно, между морфемами и другими способами выражения общих значений в сравниваемых языках.

При таком подходе необходимо обратиться к понятию деривационного поля, т. е. деривационного означаемого, которое объединяет разные лексемы, а возможно, и их номинативные эквиваленты в сравниваемом языке внутри определенного класса номинаций (части речи). Выделение деривационного поля должно покоиться на соответствующем языковом факте, т. е. наличии единства означаемого, зарегистрированного хотя бы в одном языке. Нет никаких оснований говорить о деривационном поле как языковой реальности, если выделяемое классифицирующее значение характеризует структурно разнородные единицы, различного рода описательные сочетания и не находит суффиксных и вообще нелексических средств выражения ни в одном языке.

Понятие деривационного поля для типологии является более необходимым, чем получившее распространение понятие словообразовательного типа (независимо от различных толкований последнего⁵). Идентифицирующим признаком производных, входящих в данное деривационное поле, является не индивидуальный материальный характер морфемы, а ее принадлежность к классу функционально совпадающих морфем, выражающих конкретное деривационное значение. По этому признаку включаются в одно поле не только *бородач*, *носач*, но и *лобан*, или не только *ленинградец*, но и *москвич*, *калуужанин* и т. д.

Типичным является рассмотрение образующих морфем как единиц выражения⁶. Хотя этот подход позволяет судить о системе образующих суффиксов в изучаемых языках, однако, если подходить к этому вопросу

⁴ См. также: «При рассмотрении функционирования тождественных структур в родственных языках необходимо иметь в виду границы их синонимических замен (с учетом специфики различных уровней языка) и давать их относительную количественную характеристику» (В. Н. Ярцева, Принципы типологического исследования родственных языков, сб. «Проблемы языкознания», М., 1967, стр. 207).

⁵ Ср.: М. D o k u l i l, Tvoření slov v češtině, 1, Praha, 1962, стр. 202; Е. А. Земская, Понятия производности, оформленности и членности основ, «Развитие словообразования современного русского языка», М., 1966, стр. 10—11; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», стр. 59 и сл.

⁶ См., например: М. П. Рускова, Структурные типы и словообразовательные модели личных имен существительных в славянских языках (На материале болгарского, сербохорватского, русского и польского языков XVII в.). Автореф. канд. диссерт., Л., 1966. Здесь детально различается общеграмматический характер производящих основ — глагол, существительное, прилагательное, причастие.

с наших позиций, становится очевидной и односторонность такого подхода ⁷.

Представление, что конкретный словообразовательный тип всегда соотносится с одним конкретным суффиксом, заставляет исследователя обращаться к более сложному понятию «словообразовательного разряда» или «синонимического ряда словообразовательных типов», где фактически исходной величиной для сравнения является деривационное значение ⁸. Однако этот анализ исходит из единства означающего (слова), а для типологии важно выявить и единицы иной образующей структуры, которые в сравниваемом языке могут фиксировать (с некоторой или абсолютной регулярностью) значение деривационной морфемы другого языка.

Естественно предположить, что сходство славянских языков, проявляющееся в совпадении не только корней, но и грамматического строя, соответственно распространяется и на развитие деривационных отношений. Следовательно, возможны не только общие лексические поля, но и общие деривационные поля. В последнем случае должны получиться общие для разных славянских языков группы форм, обладающих одним и тем же деривационным значением, которое выражено одной и той же деривационной морфемой или единством деривационных морфем.

Чем ближе сравниваемые языки друг к другу, тем менее вероятно, что деривационному значению, фиксируемому морфемой или группой морфем, в одном языке будет соответствовать неморфемный коррелят в другом языке.

В этих условиях особенно характерно взаимоотношение деривационных систем самих (часто материально совпадающих) морфем. Здесь небезынтересно исследовать распределение «нагрузок» морфем, способных выступить в одном общем значении, т. е. провести сравнение, опираясь на материальную сущность морфемы. Это поможет выявить некоторые детали, различающие близкородственные языки в рассматриваемой области. Так, например, в восточнославянских языках с большой последовательностью обозначение лица по действию проводится посредством суффиксов *-щик* и *-ник* с приставкой *за-*.

Русск.	Белорусск.	Укр.
<i>забастовщик</i>	<i>забастоўшчык</i>	<i>забастовщик</i>
<i>заступник</i>	<i>заступнік</i>	<i>заступник</i>

Разрушение этого единства возникает, однако, уже внутри самой восточнославянской общности. Первое «рассечение» совпадает с наиболее типичным случаем противопоставления русского и белорусского языков украинскому языку. Это выражается в том, что русско-белорусскому суффиксу *-щик* (*-шчык*) в украинском языке может соответствовать суффикс *-ник*: русск. *заготовщик* — белорусск. *загатоўшчык* — укр. *заготовник*. Особая близость белорусского языка к русским в модели с суффиксом *-щик* (*-шчык*) выражается в последовательном совпадении соответствующих образований в данных языках. Однако совпадения этого порядка не бесконечны. В частности, если в белорусском суффикс *-нік* в меньшем числе производных, чем в украинском, противопоставляется русскому суффиксу *-щик*, то более

⁷ Весьма относительна, на наш взгляд, лингвистическая ценность такого, например, утверждения: «структурный тип» $R + ач$ (где R — корень) объединял в тот период болгарский, сербскохорватский и польский языки (М. П. Рукслова, указ. соч., стр. 11).

⁸ И. И. Ковалик, Вопросы словообразования имен существительных восточнославянских языков в сравнении с другими славянскими языками. Автореф. докт. диссерт., Львов, 1961, стр. 9 и сл.

определенно он противостоит в данной модели русскому суффиксу *-тель*: русск. *заклинатель*, белорусск. *заклінальнік* и под. Как следствие этого в каждом из сравниваемых языков могут выступать собственные однородные образующие модели, которым нет столь же регулярных соответствий в других языках. Ср. следующую группу структурно-однородных форм в украинском языке и неоднородный ряд соответствий в русском: укр. *випалювач* — русск. *обжигальщик*, укр. *виправляч* — русск. *исправитель*, укр. *випробувач* — русск. *испытатель* и т. д. Белорусский язык и в этом случае занимает среднее положение, так как структуре белорусского слова, относящегося к этой группе, также свойственна приставка *вы-*: *выпраўшчык* «исправитель», *выпрабавальнік* «испытатель».

Приведем еще один характерный пример, подчеркивающий суффиксную специфику деривационного поля в сравниваемых с русским восточнославянских языках. В наименованиях лица по национальной принадлежности, в частности, для польского языка типичны образования порядка *Makedończuk* (также *Abchazczyk*, *Adżaryjczyk* и др.) как соответствия в этом значении русским образованиям с суффиксом *-ец*. Для болгарского языка типичны образования порядка *арабин*, *сърбин*. Эта последняя особенность отличает соответствующую группу в болгарском языке, противопоставляя ее русскому и польскому, а в целом показывает господство в ней выраженной аффиксации (суффиксации).

Таким образом, сравнение выражения одного и того же деривационного значения в данных языках показывает, что несовпадения могут проявиться в разной степени аффиксации в каждом языке.

Более развитая аффиксация отдельного деривационного поля может быть свойственна каждому из сравниваемых языков. Однако это не исключает вывода и об общем различии (с данной точки зрения) разных родственных языков.

В целом рассмотренные и другие группы суффиксных производных позволяют сделать обобщение, касающееся наиболее очевидных сходств и различий в данной области. Со стороны распределения однофункциональных морфем (в пределах деривационных полей) восточнославянские языки, независимо от различающих их признаков, обладают объединяющими признаками, благодаря которым они обособляются как некая языковая общность.

При рассмотрении групп производных, в которых образующая морфема обладает ясно выраженной индивидуальностью значения, именно последняя может стать отправным моментом сравнительного анализа (в отличие от рассмотренного выше случая). Так, например, в русском языке достаточно четко вырисовывается спецификация суффикса *-ун* в отглагольных существительных с общим значением лица. Эта спецификация более или менее точно может быть названа как выражение высокой интенсивности действия или «склонности к какому-нибудь действию»⁹. Здесь четко выделяется деривационное поле, поскольку образующий суффикс выполняет классифицирующую роль по отношению к понятийной, корневой морфеме. Правда, как и в других подобных случаях, здесь мы затрагиваем периферию деривационной семантики, граничащей с семантикой лексической, что подтверждается замкнутостью и непродуктивностью деривационно объединяемых лексем в этих группах. Можно предположить, что именно в этой области абстракций возможны различия даже в близкородственных языках. Но тем соблазнительнее метод сравнения: он дает важные данные для «различающего» описания этих языков.

⁹ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 102.

В установлении как объединяющих признаков, так и, тем более, признаков различающих, необходимо принять ряд ограничений, частично уже подготовленных выше. Так, спецификация суффикса *-ун* определенно выступает лишь в части этих образований, например: *болтун, говорун, драчун, крикун, ворчун* и др. Но ср. *бегун, прыгун*, отыменные образования (*горбун*), а также обозначения орудий действия (*колун*).

Спецификация значения в этих словах утрачивается, и мы выходим за границы соответствующего деривационного поля. Очень важно установить возможные модельные соответствия некоего достаточно определенного значения. И поэтому в рассматриваемом случае приходится ориентироваться на суффикс *-ун* лишь в той части образований, где он последовательно соответствует именно данному, а не иному значению.

Таким образом, первое ограничение состоит в том, что берутся лишь те образования, в которых суффикс и его значение находятся в отношении взаимоднозначного соответствия. И затем уже прослеживается, как эта целостность выглядит на фоне других сравниваемых языков.

Так как выделенное значение ассоциируется с определенным материальным элементом (т. е. с суффиксом), вторжение в данное поле любого другого, чужеродного суффикса должно вызывать настороженность. Наличие словообразовательного варианта указывает соответственно на модификацию деривационного значения, присущую данному суффиксу. Форма *лжец* отличается от формы *лгун* тем, что эта последняя, объединяясь с формами типа *говорун, болтун, ворчун*, акцентирует присущее им значение, а первая нейтральна в этом отношении, так как объединяется с формами типа *жнец, косец*. Иными словами, деривационно форма *лгун* отождествима с формами порядка *говорун*, а с формой *лжец* она отождествима лексически.

Снятие словообразовательных или лексических вариантов, осложняющих деривационную группу, — это второе ограничение. Иными словами, фиксируя регулярность формы и содержания слов типа *лгун*, надо отсеять слова типа *лжец* или *враль*. Из этого не следует, что они не должны приниматься вообще во внимание при лексической характеристике сравниваемых языков. В частности, соответствие русскому *лгун* в белорусском *брахун* и украинском *брехун* (ср. также *брехач*) указывает на наличие общего поля, что подтверждается и другими параллельными из той же группы слов: например, русск. *говорун*, белорусск. *заварун*, укр. *говорун*. Кстати, различие лексических морфем в первом случае лишь подчеркивает факт деривационной близости.

Вместе с тем приходится отметить особую активность этой группы именно в русском языке¹⁰. Общность данного суффикса в данном значении наблюдается не во всех белорусских и украинских образованиях, соответствующих русским словам. В польском и болгарском эта словообразовательная группа отсутствует, ср., например, в русском и польском *лгун* и *łgarz*, *говорун* и *gaduba*, *болтун* и *plotkarz*. Анализ подобных образований в разных славянских языках (с учетом принятых выше ограничений) позволяет ясно охарактеризовать сходства и различия этих языков в данной области. Например, группа с суффиксом *-ун*, особенно органичная для русско-белорусского единства, не находит параллелей в других рассматриваемых здесь славянских языках. Нет четкого выражения данного значения посредством определенной морфемы, в частности, в польском и болгарском. Можно указать лишь на еле заметное оживление суффикса

¹⁰ «Структурные типы» *R-ун, R-щик* в XVII в. зарегистрированы только как русские (М. П. Р у с к о в а, указ. соч., стр. 11).

-ек в польском и суффиксов -ак, -ък в болгарском, которые, хотя и дают соответствия русской группе с суффиксом -ыш, тем не менее не позволяют говорить о наличии в этих языках единства в плане выражения.

Совершенно очевидно, что материальное различие деривационных морфем, связанное с различием в каждом языке их частных деривационных значений, которые все же пересекаются и совпадают в общем значении данного подкласса, не затрагивает самой структурной сущности модели слова как единицы данного подкласса. Если отвлечься от частных значений и иметь в виду только материальную природу деривационных морфем (означающих), это различие можно считать изоморфным фонетическим различиям. Точно так же, как несовпадение отдельного звука или неморфемного звукового отрезка при совпадении остальной части является чисто внешним показателем означающего, несовпадение однофункциональных морфем в известной степени внешне характеризует слово.

По своей структуре субстантив можно рассматривать как объединение двух составляющих, из которых вторая слева заключает в себе значение субстантива и его соответствующего подкласса (грамматические значения, будучи совмещенными со значениями второй составляющей, во внимание не принимаются). Иными словами, — это двучленная структура, синтагма понятийного означаемого с классифицирующим.

Специфика существительного как основной образующей единицы субстантива заключается в том, что деривационное значение (в данном случае — значение существительного и его подкласса) выражено посредством аффиксации в пределах одного слова. Поэтому структурная модель существительного будет одной и той же не только тогда, когда в сравниваемых словах разных языков их деривационные морфемы (вторая слева составляющая) материально совпадают, но и тогда, когда они материально различаются. Необходимое условие состоит в том, чтобы они были идентичны со стороны деривационного значения. Отсюда следует, что многочисленные случаи материального несовпадения деривационных морфем в существительных сравниваемых языков еще не являются типологическими различиями самой структуры субстантива.

С этой точки зрения существенна идентификация единиц, соответствующих понятию существительного (и любой другой части речи), как классов (подклассов) означаемых. Даже в одном и том же языке идентичным по своему общему деривационному значению (например, значению лица, предмета) означаемым могут соответствовать структурно различные означающие. Это объясняется тем, что существуют разные способы выражения не только грамматических, но и деривационных значений.

Интерес представляют прежде всего основные, типичные образующие формы (ОФ) субстантива. Эти ОФ выводят исследователя за пределы существительного, которое является одной из основных форм субстантива, определяющих в этой области структуру флективных языков.

Подклассы субстантива как означаемые не могут быть зафиксированы полностью соответствующими «означающими» подклассами существительного, так как не каждая основа по разным (в том числе морфологическим) причинам способна материализовать требуемое субстантивное значение средствами отдельного слова — существительного.

Если объектом исследования является система означающих в отдельном языке, система идентичных означаемых некоего данного класса может оказаться частично скрытой. Опираясь фактами одного языка, эту трудность можно преодолеть, если идти не от означающего к означаемому, а наоборот. Однако эти звенья означаемых «открываются» значительно легче при сравнении языков, так как наличие означаемого при отсутствии сло-

вообразовательного означающего (в нашем случае — существительного) в одном языке подтверждается наличием последнего в другом языке.

Разумеется, лингвистический интерес представляют последовательно выраженные различия в структуре ОФ субстантива. Они дают более важный материал для типологического описания сравниваемых языков, чем в том случае, если ограничиться только одной ОФ субстантива — существительным. Вполне также очевидно и их прикладное значение.

Моделированные ОФ субстантива от одной основы образуют *п о з и ц и о н н ы й* ряд (ПР). В наиболее типичном случае полный ПР подкласса субстантива с общим значением лица состоит из ОФ: 1) словообразовательной (существительного), 2) детерминируемой, 3) транспонируемой, 4) предидируемой. Эти ПР охватывают как отыменные, так и отглагольные производные, например: *храбрец, победитель* (1), *храбрый человек, победивший человек* (2), *храбрый, победивший* (3), *(тот) кто храбр, (тот) кто победил* (4).

Приведенные ОФ далеко не исчерпывают всего многообразия способов выражения означаемых, коммуникативно эквивалентных по своему содержанию тем существительным, которые возможны, но по той или иной причине отсутствуют в языке. Некоторые из них легко сближаются с одной из указанных ОФ и в первую очередь с детерминируемой формой. К ним относятся и генетивные ОФ (ср. *горожанин* и *житель города*, но только *житель деревни, безбилетник* и *человек без билета*, но только *человек без оружия*). Существенно здесь то, что из означаемых, входящих в одно и то же деривационное поле, одни могут быть переданы посредством существительного, другие не могут (в русском языке есть существительное *безбилетник*, но нет словарно зафиксированного *безоружник* и т. д.). Это обстоятельство должно учитываться прежде всего и при сравнении разных языков.

Сравнивая ПР и опираясь при этом на признак тождества деривационного содержания, получаем большие возможности для выявления типологических черт, для подтверждения общности или различия сравниваемых языков. Попытаемся показать это на одном характерном примере. В русском языке выделяется группа существительных порядка *желудочник, легочник, туберкулезник, язвенник, сердечник*. Она обособлена от остальных существительных с суффиксом *-ник* своим деривационным содержанием. Эти слова обозначают лицо в строгой спецификации (врач — специалист по данной болезни или по болезням данного органа, а также сам больной). Такая семантическая многозначность характеризует не каждое слово (ср. *глазник, ушник* только в первом значении), но в целом данная группа отличается совершенно определенной деривационной и семантической целостностью.

Можно предположить, что соответствующие данным означаемым означающие других сравниваемых языков при их «наложении» на эту принятую в качестве исходной группу слов русского языка полностью совпадут по своему строению и семантической структуре, т. е. также будут представлены морфемно однородными существительными (независимо от того, будут ли их суффиксы материально тождественными или нетождественными с русским *-ник*).

Однако такое совпадение может быть лишь в некоторых языках или еще в одном языке. Реальна и другая возможность — сравниваемые языки (все, некоторые или один из них) могут противопоставить русскому также закрытые группы других ОФ субстантива. Эти другие ОФ могут появиться лишь как частичные целостности, в остальном означающие будут заполнены эквивалентными существительными. Крайний полюс могут занять такие возможные соответствия, которые вообще не могут быть охарактери-

зованы в сравниваемом языке как деривационно автономная группа означающих.

Степень совпадения (несовпадения) определяет общность (т. е. объединение языков по данному типологическому признаку) сравниваемых языков.

Логически возможные общности по отношению к русскому языку можно представить посредством табл. 1.

Таблица 1

Общности сравни- ваемых языков	Русск.	Бело- руссск.	Укр.	По- льск.	Болг.	Общности сравни- ваемых языков	Русск.	Бело- руссск.	Укр.	По- льск.	Болг.
I	+	+	+	+	+	IX	+	+	—	—	+
II	+	+	+	+	—	X	+	+	—	+	—
III	+	+	+	—	—	XI	+	—	—	+	+
IV	+	+	—	—	—	XII	+	—	—	—	+
V	+	—	—	—	—	XIII	+	—	+	+	—
VI	+	—	+	—	—	XIV	+	+	—	—	+
VII	+	—	—	+	—	XV	+	—	—	+	+
VIII	+	—	—	—	+	XVI	+	—	+	+	+

В нашем случае структурная однородность данного деривационного поля является очевидным фактом в русском языке, и это ограничивает комбинации возможных общностей. Если же снять это ограничение (т. е. исходить из того, что некое деривационное означаемое не имеет потенциально возможной однородной деривационной структуры ни в одном из сравниваемых языков), то эти комбинации намного увеличатся. Например, вполне допустимо, что обозначения лиц по их религиозной принадлежности могли бы в некоем конкретном языке получить однородное деривационное выражение, дать группу идентичных означающих. Но реально такой группы нет. Тогда единственной основой для выявления сходств и различий соответствующих означающих было бы само предполагаемое деривационное содержание. В этом случае можно было бы попеременно принимать за некую целостность соответствующие означающие каждого сравниваемого языка. Такая работа, однако, не только чрезвычайно сложна, но и далека от собственно лингвистической систематики.

Выделенное нами деривационное поле порядка *желудочник*, *легочник*... представляет собой чисто русскую общность (V). Однако усилившаяся в наше время консолидация восточнославянских языков, как и следовало ожидать, сказывается и здесь. Можно предполагать, что в живой разговорной речи эти слова также свободно бытуют и в других восточнославянских, хотя словари фиксируют с большой осторожностью лишь отдельные слова. Особенно близким к русскому, как и в других подобных случаях, является белорусский язык; см.: *вочнік* «глазник», *вушнік* «ушник», *язвенік*, *туберкулезнік*. Видимо, не приходится сомневаться, что распространение слова *жалудок*, наряду с *страйнік* также дает производное *жалудочнік*.

В украинском эти слова фиксируются более осторожно (в словарях приводятся только *язвенник*, *туберкулезник*). Характерно, что производящая основа к производному *язвенник* отсутствует в собственно украинском языке; ср. русск. *больной язвой желудка* и укр. *хворий на виразку шлунка*. В польском языке образования идентичной морфемной структуры находим лишь в ином значении (например, *serdecznik* — ботанический термин). Синонимичные слова могут иметь соответствия в интернациональной терминологии (*okulista* «окулист»). Чисто же русским словообразовательным

единицам более последовательно соответствуют другие ОФ субстантива, например, *legocznik* — польск. *chory na płuc* «больной легкими», *uśnik* — польск. *specjalista chorób usznych* «специалист по ушным болезням».

Таким образом, в польском языке в этой области нет той конденсации значения, которую способны дать словообразовательная ОФ субстантива — существительное. Между тем, этой конденсации не могло бы помешать лексическое различие соответствующих производящих (например, *płuco* «легкое», *głowa* «язва» и др.).

В болгарском языке с его склонностью более свободно создавать существительные, обозначающие лицо (например, *завистливец*, *жизнерадостник* и под.¹¹), рассмотренное выше деривационное поле также не подходит соответствий идентичной структуры.

В целом, если рассматривать структуру лексически конкретных ОФ субстантива отдельных полей, можно, по существу, найти подтверждение реального наличия всех логически возможных общностей. Однако даже перечисление объединяющих и различающих признаков некоторой оптимальной совокупности выделенных полей субстантива в сравниваемых языках даст конкретные данные синхронного соположения этих языков относительно его деривационной системы. Как количественный, так и качественный анализ деривационных полей других классов номинаций даст реальную картину степени сходства и отличия одного языка от любого другого.

Для близкородственных языков важны не столько общие выводы, которые так или иначе подтвердят лишь общеизвестное, а именно конкретные данные как основа для создания описательной деривационной «грамматики» этих языков. Что же касается славянских языков, то, различаясь словообразовательной структурой субстантива по отдельным деривационным полям, в целом они обладают общей системой его ОФ.

Поэтому важно сравнивать не только родственные, но и далекие языки, поскольку это и позволяет вскрыть суть сходства первых, и по определенной сумме типологических черт выделить их как некую общность, условно — как некий «один язык», противопоставленный неродственному языку.

¹¹ См.: Е. А. Захаревич, Суффиксация и субстантивация при образовании наименований лица в болгарском языке, сб. «Очерки по словообразованию и словоупотреблению», [Л.], 1965, стр. 56.